

Образ России в романе В.В. Набокова «Подвиг»

Марина Толкачева (образовательная программа «Филология»)

Роман В.В. Набокова «Подвиг» написан в 1930-1932 годах, в период эмиграции. Ключевая тема эмигрантской литературы – тема России. «Русские» мотивы и образы проглядываются даже в тех текстах, где она не является центральной. Роман Набокова особенно интересен в этом плане, потому что формально в центре романа – жизнь главного героя Мартына Эдельвейса и его стремление совершить «подвиг». Герой не заиклен на возвращении на родину и не склонен к рефлексии по поводу ее судьбы и Революции, но образ России всюду сопровождает Мартына, проступая вспышками здесь и там, настигает его во внезапно нахлынувших воспоминаниях и ассоциациях, в разговорах, которые он слышит. Эдельвейс все время пребывает в поиске себя – постепенно он все сильнее ощущает притяжение России, в конце концов, понимает, в чем его «подвиг», подчиняется этой тяге и устремляется навстречу России¹.

С первой главы Россия не упоминается напрямую, она будто находится вне поля зрения. Мартын подчеркнуто «не русский»: дед – швейцарец, мать – хоть и русская, но англоманка. Исторические события, на фоне которых развивается жизнь героя, также намеренно отодвигаются на второй план: «Его жена, Софья Дмитриевна, жила в то время с сыном под Ялтой: городок примерял то одну власть, то другую, и все привередничал»² (с. 98). Создается впечатление, что события Гражданской войны не коснулись Мартына, слишком юного в те годы. В дали от родины юноша слабо ощущает потерю, будто в нем не было и нет ничего общего с Россией. Герой сам себя не чувствует русским, но со временем он все больше и больше замечает связанность своей жизни со страной, в которой он провел детство.

Можно выделить несколько планов, в которых проступает образ России: биография Мартына, воспоминания Мартына о жизни в России, швейцарская природа, напоминающая русскую, русские эмигранты и их разговоры о России, слухи о контрреволюционных движениях, иностранцы-русофилы (самый яркий образ – Арчибальд Мун), образ Ирины, мечты Мартына о будущем подвиге и Зоорландии.

¹«Духовный путь героя ведет его к все более и более глубокому осмыслению своей судьбы “изгнанника, обреченного жить вне родного дома” и своего отношения к этому родному дому – к России». (Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: от «Соглядатая» – к «Отчаянию» // Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 20.)

² Здесь и далее с указанием страницы роман цитируется по: Набоков В.В. Подвиг // Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 94-249.

Первый знак того, что английскими черты Мартына могут посчитать только русские, мы видим уже в 8 главе, когда он знакомится с Аллой, своей первой любовью. Его «русская» ладность всего очерка и движений принимается русскими за «что-то английское» (с. 117). Далее в Лондоне подчеркнутая любовь героя ко всему английскому, гордость за свои английские манеры и псевдоанглийское произношение осмеивается Соней. Впоследствии в Кембридже Мартын понимает, что его английские замашки не делают его англичанином: «И вообще все это английское, довольно в сущности случайное, процеживалось сквозь настоящее, русское, принимало особые русские оттенки» (с. 137). Мартын начинает ощущать себя русским на фоне англичан. Это первый ответ России в романе и в судьбе героя.

Другое неожиданное и почти незаметное, но имеющее продолжение появление образа России происходит в 10 главе, когда Мартын впервые приезжает в дом своего дяди Генриха в Швейцарии: «Вдруг, с непривычным еще чувством, Мартын вспомнил густую еловую опушку русского парка сквозь синее ромбовидное стекло на веранде...» (с. 126). Чувство, которое испытывает герой, не называется, его трудно определить одним словом: швейцарская природа напоминает Мартыну родную русскую, он невольно сравнивает это «новое» впечатление о прекрасном со старым и близким. Мартын никогда не размышлял о своей связи с Россией, поэтому это чувство застает его врасплох. Швейцарская природа напоминает Мартыну акварель, которая висела над его кроватью в детстве – «густой лес и уходящая вглубь витая тропинка» (с. 99). С этой тропинки начинается страсть героя к путешествиям, ею же заканчивается роман: «Из глубины печального, бурого сада вышел Дарвин, прикрыл за собой калитку (она тотчас открылась опять) и пошел обратно – тропинкой через лес» (с. 249). Картинка над кроватью Мартына связывается им с прочитанной мамой историей о мальчике, который убежал в картину, и этот же сюжет реализуется в судьбе самого Эдельвейса – он убегает в другую страну, «переступает» границу с Советской Россией, чтобы исчезнуть. Эта тропинка в еловом лесу неразрывно связана с темой подвига, основной темой романа, но при этом она отсылает к детству героя, к саду в усадьбе, что связывает тему подвига с Россией.

Картина заснеженного леса заставляет Мартына снова почувствовать себя в России в его второе посещение дядиного дома (с. 152). На этот раз Мартын отдает себе отчет в своем чувстве, это еще один шаг на его пути на родину.

Русские эмигранты, их разговоры и действия тоже во многом являются частью образа России в романе. С Софьей Дмитриевной, своей мамой, Мартын всегда говорит по-русски, что становится ясно только в 45 главе. В эмиграции Софья Дмитриевна уже перестает казаться увлеченной англоманкой, часто вспоминает Россию: например, в 12 главе, когда у нее

сходится пасьянс, она говорит: «Последний раз он у меня вышел в России. <...> Он вообще выходит очень редко» (с. 132). Этот момент в 12 главе предвещает грядущие события, Мартын чувствует призыв ночи, но это не просто ночь, а страшная дикая зоорландская ночь, и это подтверждается сложившимся пасьянсом Софии Дмитриевны. Мать – единственный человек, находящийся с Мартыном с самого его детства, ее образ присутствует и в воспоминаниях о России. Она ощущает сильную связь с Россией, ей кажется, что эмиграция скоро закончится и можно будет вернуться домой (с. 192). Кроме того, ее близость с сыном позволяет ей чувствовать, как родина притягивает его, поэтому она предчувствует его уход. Именно из ретроспективного сожаления матери, появляющегося в форме потока сознания, мы узнаем дальнейшую судьбу героев после ухода Мартына (с. 170–171). Внутренний монолог врывается в авторское повествование, и с этого момента мы знаем, что Мартын обречен на то, чтобы «остаться в Зоорландии», пропасть навсегда. Итак, с образом Софии Дмитриевны связано представление о России прошлого, она будто навсегда осталась жить там. Утрата России, как и утрата сына, кажется героине чем-то несовместимым с реальностью.

Другие связанные с образом России герои – контрреволюционеры. Михаил Платонович Зиланов, друг семьи Эдельвейс, связан с Россией, потому что он участвует в антибольшевистском движении. Мартын очень хочет приобщиться к этому движению, но по своей сути его желание совершить подвиг не имеет никакой связи с деятельностью контрреволюционеров. Зиланов – «коренастый крепыш, с татарскими чертами лица и с такими же темно-тусклыми глазами, как у Сони» (с. 153), Мартын всегда при встрече с ним вспоминал, что тот сбежал от большевиков по водосточной трубе и дрался с Тучковым. Перешедший границу Иоголевич вместо героя, оказывается самодовольным смешным человеком, а история возвращения из Петербурга – фарсом с переодеванием в саван (символический переход из «того мира», для которого необходимо совершить погребальный ритуал, что является сквозным мотивом романа, в данный момент реализующимся с авторской иронией). Грузинов, которого Зиланов характеризует как «загадочную волевою личность», – очень скрытный, как будто «в коконе», человек, который словно всегда издевается. Знакомство с каждым из этих героев лишь убеждает Мартына в том, что контрреволюционная борьба – не его призвание, Эдельвейса привлекает только опасность и риск движения, но вид борцов с Советской властью никак не совпадает с романтическими представлениями героя о «подвиге».

С темой России и ее восприятия намного сильнее связан образ кембриджского профессора русской словесности и истории Арчибальда Муна: «Говорили, единственное, что он в мире

любит, это – Россия» (с. 144). Любовь к России, русской литературе и языку сопряжена с экзистенциальными идеями профессора: он считает, что России после Революции не существует, а быть вне России равносильно тому, чтобы оказаться на краю бездны. Для Муна Россия полноценна и завершена, именно такой он хочет ее запечатлеть на страницах своей истории. Долгое время Мартын находится под влиянием Муна, но образ России жив в душе героя, для него Россия существует, хотя бы и в воспоминаниях, и отношение профессора для него неприемлемо: «И впервые Мартын почувствовал нечто для себя оскорбительное в том, что Мун относится к России как к мертвому предмету роскоши» (с. 168).

Россия для Мартына не умирает, ее образ трансформируется в выдуманную страну Зоорландию. Зоорландия появляется как шутка: Мартын намекает, что вступил в тайный контрреволюционный союз и получает ответ Сони: «<...> это странно, – она тоже об этом часто думает: вот есть на свете страна, куда вход простым смертным воспрещен» (с. 205). Герои фантазируют и в шутку придумывают законы для несуществующей на самом деле страны, и этот край, куда может попасть только особенный человек, уже не отпускает Мартына – место, где нужно оказаться, чтобы доказать свою исключительность. У героя нет четкого представления о современном состоянии России, он ничего там не ищет, его цель не в том, чтобы повидаться со знакомыми, походить по родным местам. Там, в Советской России, нет его знакомых и родных мест, это другая страна – Зоорландия, сказочная дикая страна, в которой правят чудовищные законы. Отправиться в нее значит подвергнуть себя величайшему риску, проверить себя – совершить подвиг.

Символом Зоорландии становится Ирина – дочь Елены Павловны Зилановой. Революция и Гражданская война сделали ее «полуидiotкой», хотя связь этого помешательства и исторических событий проговаривается только косвенно: над Ириной издевались в поезде, далее героиня с матерью видела, как ее отца вытаскивают из вагонного окна. Эти бесчинства связаны, безусловно, с отсутствием какого-либо контроля и централизованной власти в первое время после большевистского переворота. Героиня не смогла это пережить без последствий для психического здоровья: она стала импульсивна, больше подчинена инстинктам, потеряла способность разговаривать. Такой же дикой стала и Россия, будто ее отбросило на несколько веков назад: «Зоорландская ночь показалась еще темнее, дебри ее лесов еще глубже, и Мартын уже знал, что никто и ничто не может ему помешать вольным странником пробраться в эти леса, где в сумраке мучат толстых детей и пахнет гарью и тленом» (с. 208). Глубинная связь Ирины и России заметна и в том, что только «полуидiotка» понимает, куда отправляется Мартын после его последнего визита к Зилановым. Она не хочет его отпускать, потому что

чувствует, что Эдельвейс идет на верную смерть, но героине не позволяют удержать Мартына, и ничто больше не противостоит судьбоносному притяжению России.

К концу романа в Молиньяке (глава 40) Мартын уже полностью подчинен русскому очарованию. Он ощущает себя избранным, а свою страну – особенной. Герою больше не нужен эмпирический опыт, чтобы вспоминать о России, он сам размышляет о ней, говорит о родине с иностранцами. В этот момент Эдельвейс уже чувствует себя готовым совершить «свой подвиг» и точно знает, в чем этот «подвиг» состоит: нужно попасть в Россию, которая тянет его к себе, пусть даже это ночная страшная Зоорландия, где его ждет смерть.

Итак, «Подвиг» – это роман, в котором с течением времени главный герой взрослеет и начинает осознавать, в чем же заключается его предназначение. Сначала он избавляется от заблуждений: перестает считать себя европейцем, а свои манеры – английскими, разочаровывается в антибольшевистских кружках и их участниках и в профессоре Арчибальде Муне, похоронившем Россию после Революции. Образ России, который сначала время от времени всплывает перед Мартыном, то навеянный швейцарской природой, то в образе матери, утверждается в самом герое и поглощает его. С этим образом связан провиденциальный характер романа: Мартын в самом начале не знает, что его судьба – «совершить подвиг», уехав в Россию, но все эти мимолетные ощущения, напоминания о том, что он русский, что Россия не умерла в его воспоминаниях, знаменуют и предсказывают будущий путь героя.

Библиография

- Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: от «Соглядатая» – к «Отчаянию» // Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2006. . 3. С. 9–41.
- Набоков В.В. Подвиг // Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2006. Т. 3. С. 94–249.